

«Сибирский цирюльник» берет на абордаж «Титаник»

Век. Москва. - 1999 - 31 мая - с. 7

Чтобы выступить на торжественной церемонии открытия VII Международного кинофорума славянских и православных народов «Золотой Витязь», которая состоялась на днях в Смоленском театре драмы, Никита Михалков отмахал на машине почти 800 километров (от Москвы до Смоленска и обратно). В своей 20-минутной речи он гневно обличил американский империализм, развязавший необъявленную войну против многострадального сербского народа, заверил, что хотя «на протяжении столетия пытались закатать в асфальт всю нашу корневую систему, она сегодня дает крепкие ростки», понегодовал по поводу того, что в нашей действительности слишком много такого, из-за чего «очень часто хочется хватать тяжелые предметы, кричать, ругаться, рвать на себе одежду, что, в общем-то, выгодно тем, кто сегодня правит бал». Переждав бурные и продолжительные аплодисменты, Михалков удалился за кулисы, а затем через служебный вход направился к автомобилю. Здесь мне и удалось его настигнуть.

Геннадий БЕЛОСТОЦКИЙ

— Никита Сергеевич, на Каннском кинофестивале вы сделали резкое политическое заявление по поводу бомбардировок Югославии. Здесь, на «Золотом Витязе», вы даже не упомянули о кино. Вам не кажется странным, что международные кинофести-

Никита Михалков признался, что снял свой суперфильм для иностранцев — «тех 100 миллионов, которые живут в моей стране»

Премьера «Сибирского цирюльника» в Каннах. Май, 1999 г.

вали превращаются в политические мероприятия?

— Мне это мешает, я бы очень хотел, чтобы на кинофестивалях шла речь только о кино. Я бы очень хотел, чтобы и «Золотой Витязь» был международным форумом кино, и только кино. Но так не выходит.

— Вы частый и всегда желанный гость на отечественных и западных фестивалях. Есть между ними принципиальная разница?

— Это большая ошибка, когда российские фестивали пытаются сделать похожими, скажем, на Каннский. А похожесть, по большому счету, заканчивается тем, что ковровой дорожкой выстилают лестницу для прохода гостей. Надо искать свое лицо, свою культурную платформу, атмосферу, свою нишу. Мы можем быть интересны кому бы то ни было только в том слу-

чае, если будем двигаться своей дорогой и развивать свои традиции. Мне нравится в «Золотом Витязе» именно то, что он и не пытается быть похожим на какой-либо фестиваль. Он не такой богатый, не такой броский, как другие, на нем нет мировых звезд. Но от этого он не становится хуже. Если говорить про фестиваль, а не про тусовку, то его уровень определяется уровнем того, что на нем показано. И если эти фильмы достойны того, чтобы они подходили под понятие «искусство», лично для меня этого вполне достаточно.

— Вы довольны реакцией критики и публики на «Сибирского цирюльника» в Каннах?

— Я убежден, что есть только четыре вещи, к которым надо прислушиваться: вера, здоровье, любовь и чистая совесть. Все остальное не имеет никакого значения. Если я знаю, что снимаю картину не ради

денег, не ради славы, не для того, чтобы понравиться критикам, то для меня куда важнее, например, то, что многие юноши и девушки смотрели мою картину по несколько раз. Что мне еще нужно? Мнение критиков? Это их личная проблема. Мы по посещаемости зрителей побили рекорд «Титаника» в России за четыре недели. А сегодня картина идет во Франции в 360 кинотеатрах и оторвалась по посещаемости в два с половиной раза от следующего фильма из тех, что вышли на экраны одновременно с ней... Может быть, лет пятнадцать назад я бы очень переживал от негативной реакции критики. А если я вижу, что критика лишена желания разобраться в картине... Вот мне говорят: вы сняли фильм для иностранцев. Да, отвечаю, я снял его для ста миллионов иностранцев, которые живут в моей стране. Для людей, которые не знают ни своей культуры, ни своей истории...

В этот момент меня отпустил выходящий из обступившей нас толпы тинейджер и, агрессивно поблескивая глазами, выпалил:

— Объясните, пожалуйста, почему парень, который кинул в вас яйцо, сидит в Бутырской тюрьме? Он же совершил всего лишь мелкое хулиганство!

— Это не ко мне вопрос — я не судья, не прокурор, не следователь. Его арестовали за то, что он сопротивлялся милиции, что у него в кармане был пистолет, причем не сразу поймешь, какой это пистолет... Вот вас я могу посадить в тюрьму?

— Не знаю...

— Как это «не знаю»? Вы же нормальный человек?

— Но как вы могли ударить его ногой в лицо, да еще когда его уже схватили?!

— Одну секундочку, вы это видели?

— Я снимки видел в газете.

— И вы видели, что это я? Так так написано? А на заборе что написано?

На этом общение с народом было закончено. Через минуту машина со знаменитым режиссером, а по совместительству президентом Российского фонда культуры и председателем Союза кинематографистов России укатила в Москву. Рано утром Никита Сергеевич улетал в Париж...

Марияна МАРКОВА